

Научная статья

УДК 37.013.2

ББК 87.52

doi: 10.47475/1994-2796-2024-489-7-114-120

«ДИАЛОГ» С ПТИЦАМИ И ИНЫМИ НЕ-ЧЕЛОВЕКАМИ: АНТРОПОМОРФИСТСКИЙ ОЧЕРК¹

Регина Владимировна Пеннер

Южно-Уральский государственный университет, (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия,
pennerrv@susu.ru, 0000-0002-3277-7274

Аннотация. Птицы не частый гость на страницах философских очерков. Одновременно с этим на символическом уровне птицы вошли в мировоззренческую систему человека как знамение мудрости (сова), благодати (голубь) или любви (лебеди). В статье представлена попытка переосмысления фигуры птицы. Вместе с инопланетянами и цифровыми актантами птица зафиксирована как участник «диалога» с человеком. В подобной системе реализован отказ от антропоцентристской логики, возвышающей человека над всеми остальными элементами живого и неживого. Ей на смену выдвинута антропоморфистская установка, в которой человек остаётся тем, кто инициирует исследовательскую интенцию, но не возвышается над остальными, в осмыслении которых, в свою очередь, допускается антропоморфизация. Отсюда птицы из безмолвных единиц, парящих над нашими головами, становятся «скромными наставниками» для человека.

Ключевые слова: антропоморфизм, антропоцентризм, человек, живой мир, техника, цифровая эпоха, ответственность, цифровая грамотность

Для цитирования: Пеннер Р. В. «Диалог» с птицами и иными не-человеками: антропоморфистский очерк // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 7 (489). С. 114–120. DOI: 10.47475/1994-2796-2024-489-7-114-120.

Original article

“DIALOGUE” WITH BIRDS AND OTHER NON-HUMANS: AN ANTHROPOMORPHIC ESSAY

Regina V. Penner

South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia, pennerrv@susu.ru, 0000-0002-3277-7274

Abstract. Birds are not a frequent guest on the pages of philosophical essays. At the same time, on a symbolic level, birds entered the human worldview system as a sign of wisdom (owl), goodness (dove) or love (swans). The article presents an attempt to rethink the figure of a bird. Together with aliens and digital actants, the bird is recorded as a participant in a “dialogue” with humans. Such a system implements the rejection of anthropocentric logic, which elevates a human being above all other elements of living and nonliving things. It has been replaced by an anthropomorphic attitude, in which a person remains the one who initiates the research intention, but does not rise above the others, in the comprehension of which, in turn, anthropomorphism is allowed. From here, birds from silent units hovering above our heads become “humble mentors” for humans.

Keywords: anthropomorphism, anthropocentrism, a human being, living world, technology, digital age, responsibility, digital literacy

For citation: Penner RV. “Dialogue” with birds and other non-humans: an anthropomorphic essay. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2024;(7(489):114-120. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2024-489-7-114-120.

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда Конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)».

Введение

Уже в 1867 г. эволюционист Альфред Рассел Уоллес под маркером «философия птичьих гнезд» (в оригинале — «Philosophy of Birds' Nests») сравнил форму и сущность птичьего гнезда с жильём человека. Сквозь разницу гнезда с жильём он пытался концептуализировать различие между инстинктом и разумом, что в целом отвечает базовой установке эволюционистской теории [17]. Среди прочего он обозначил неизменный план строительства у птиц и постоянные новации, используемые человеком. В движении за инстинктами птицы оперируют на той же территории с повторяющимся в разные сезоны и года материалами, реализуя итерационные практики, фактически манипуляции с исходными материалами. Контрарную суть этой серии повторений составляет разум, включённый в гонку aeterna, ориентированную на выработку нового, того, что до ещё не изобрели, и что попутно увеличивает удобство и энергоёмкость, например, самого же жилья. В итоге, за ширмой «философия птичьих гнезд» скрылась установка на то, что гнездо никогда не приблизится к жилью, созданному человеком.

Вероятно, к концу XIX в. разница между птицами и человеком, точнее, между практиками их существования, была разительной. В XXI в., в свою очередь, их различие, будто фундированное самой природой, словно сокращается. Не столько человек демонстрирует гибкость и инновативность в вопросах о приспособлении к меняющейся среде, но именно птицы в связи с интенсивным расширением границ антропоактивности показывают то, что они способны совмещать два режима: вблизи к человеку и вдали от него.

Предложенный А. Р. Уоллесом тип сравнения человека с другим, не-человеком, в который уже заложена безусловная позиция превосходства, исключительного лидерства человека, не является уникальной. По своей рефлексивной природе человек склонен к сопоставлению себя с другими, включая себе подобных и от себя отличных. Иной пример сравнения предлагает американский философ Стивен Шавиро, опираясь на иллюстрацию из фантастического романа Гвинет Джонс «Вселенная вещей» («The Universe of Things»). В центре романа — контакт человека с алеутцами (ориг. — Aleutians), не аборигенами с Алеутских островов, но иной инопланетной расой, в некоторой степени — «колонизаторами» из космоса [12]. Среди прочего, Г. Джонс констатирует принципиальное отличие алеутцев от че-

ловека в их специфическом контакте с предметами. В западноевропейской антропоцентристской оптике человек свысока глядит на мир природы и вещей. Он создаёт инструменты, чтобы преодолеть своё глубокое одиночество в этом мире. Но всякий раз и вещи, и любые природные единицы оказываются недостойными в сравнении с ним. Наоборот, алеутцы в своих инструментах реализуют своеобразную трансгрессию, тем самым создавая «решение проблемы изоляции человечества: говорящий мир, мир с глазами; общение, о котором мечтает Бог» [цит. по 14, с. 3].

Не вызывает сомнения тот факт, что, опираясь на свой разум, человек превзошёл в своей деятельности не только птиц, но и любые иные природные единицы. Его практики позволяют ему не просто оптимально встроиться в окружающую среду, но и значительно её преобразовать, выстроить сообразно своему видению, желанию. В этом превосходстве над миром природы и техники он всякий раз утверждает своё одиночество и одновременно страх перед тем, кто его превзойдет.

Материалы и методы исследования

Базу исследовательской оптики, согласно которой в поле философской рефлексии попадает не только человек и созданные им социальные институты, но и единицы не антропоного порядка, начал закладывать Фридрих Ницше. Уже на первых страницах своей нашумевшей работы, «Так говорил Заратустра», разоблачитель добродетелей и добродетельных указал на то, что человек всего лишь мост, натянутый между животным и сверхчеловеком [5]. Человек выступает не более, чем звеном в эволюционной цепи. В свою очередь, сверхчеловек претендует на статус венца эволюции, которая отображает движение от простого к сложному, но уже не в биологическом, а в духовном плане. Тем не менее, скачок в направлении сверхчеловека возможен только из условной точки «человек». Поэтому, оставаясь человеком, исследователь продолжает смотреть на этот мир как человек. Однако он может изменить режим видения и понимания мира с антропоцентристского на антропоморфистский, т.е. в большей степени толерантный к иным, не-человеческим, единицам.

Развивают антропоморфистскую оптику философы-постструктуралисты Жиль Делёз и Феликс Гуаттари. Во втором томе резонансной работы, «Капитализм и шизофрения», они выдвигают альтернативу логоцентристской логики [2].

В числе прочего, мыслители констатируют тот факт, что понимание реальности как «древа-логоса», предустановленной гармонии, перестает работать. Иным вариантом может быть «ризома», перекасти-поле (лат. *Gypsophila paniculata*), гибкое, пластичное образование без корней, центра или периферии. В направлении понимания социальных практик они предлагают смену логики в прочтении пространств, с рифленого на гладкое. Рифленое — это пространство Эвклида; в его основе «ламинарного, однородного и централизованного» лежит сила тяготения; именно она обуславливает метрические, древовидные множественности, чьи размеры не зависят от положения и выражаются с помощью единиц или точек (движения от одной точки до другой) [2, с. 621]. В свою очередь, «гладкое пространство — это поле без труб и каналов»; это своеобразное поле, которое открыто для исследования в ситуации непосредственного «шагания» по нему [2, с. 622]. В этом движении, от рифленого к гладкому, от непосредственно структурированного к а-центрированному ризоматическому множеству, мы наблюдаем переход от строгой иерархии, выстраивающей социальных субъектов в ряд, к некоторым анархическим, спорадически возникающим социальным связям и множествам, в которых автономная вещь / инструмент / единица способна претендовать на статус правомочного субъекта социальных интеракций.

В акторно-сетевой теории не только природа, но и вещи включаются в единый социальный ряд с человеком. При этом Бруно Латур, например, наделяет вещи собственной силой, интенцией. Они больше не являются пассивными инструментами в руках человека, но выступают медиаторами в социальной коммуникации, способными к организации новых социальных сетей [4]. Грэм Харман, в свою очередь, утверждает, что всякий раз во время пользования вещами человек вступает с ними в союз [11]. С одной стороны, этот союз предполагает повелевание человеком предметами, находящимися в его доступе; с другой стороны, на что указывал уже Мартин Хайдеггер в иллюстрациях со сломанными инструментами [9], этот союз указывает на зависимость человека от вещи, когда без её нормального функционирования человек оказывается не способным к действию.

В контакте человека с инструментами алеутцев Г. Джонс фокусирует внимание на неспособности человека принять потенции инструментов к жизни, их собственную волю, самость. Наблюдая

за тем, как инструменты будто оживают в его руках, автомеханик испытывает отвращение, тошноту. Тошнота может быть обусловлена тем, что, создавая свои инструменты, человек устанавливает границы между Я и не-Я, сохраняя позицию мастера, стоящего над своим творением. Алеутцы, в свою очередь, согласно идее Г. Джонса, словно продолжают самих себя в собственных вещах; собранные из кишечных бактерий самих инопланетян, их инструменты расползались по новым территориям, не завоевывая силой, но заражая их. Алеутцы презентуют ту мировоззренческую систему, в которой мир не разложен на партикулярные, атомарные части. Нет частей — всё есть единый континуум, не разделённый на отдельные пространства, автономные территории; сам мир является живым продолжением своих создателей. Это то, что американский философ Джейн Беннетт впоследствии именуется «витальным материализмом», концептуализируя установку на то, что жизнь как качество присуще всем вещам, а не сосредоточено в единичных феноменах, таких как человек [10].

В объектно-ориентированной онтологии каждая вещь понимается как инструмент, т. е. она не сводима к простому наличию под рукой или к ансамблю конкретных свойств [11]. Следуя за М. Хайдеггером, Г. Харман констатирует, что наиболее ярко и одновременно агрессивно эта инструментальность вещи проявляется во время поломки. При поломке, т. е. выходе из состояния бездумной подручности для своего владельца, вещь обретает некую автономность, а через неё — определённую самость, благодаря чему человек признает существование вещи. В иллюстрации Г. Джонса, в свою очередь, автомеханик в своей тошноте, в тот момент, когда инструменты начинают шевелиться в его руках, заключает право инструментов на своё Я, самостоятельное существование. Отсюда знаковость его реакции: тошнота в качестве неготовности признавать право инструмента на своё Я.

Британский мыслитель Альфред Норт Уайтхед ещё в начале XX в. указывал на то, что всякий раз «осознавая преследующее присутствие природы», человеку становится не по себе [18]. Отсюда человек не просто властвует, но со-существует с вещами в пространстве одного и того же мира. В этом общем мире человек выступает лишь элементом; он приходит в пространство и время, уже наполненное своими цветами, запахами и звуками, уже со своими деревьями, домами и птицами.

Результаты исследования и их обсуждение Человек и инопланетяне

Пошаговое движение в общем мире возможно посредством наблюдения за множеством коммуникативных контактов человека с иными элементами этого мира. Одним из наиболее спорных элементов остаются инопланетяне. Справедливости ради стоит отметить, что инопланетные существа прочно вошли в русскоязычный философский дискурс. Так, к примеру, на протяжении не менее десятилетия они не выходят из фокуса внимания Александра Ветушинского, исследования которого, в числе прочего, заданы патетикой «удержания чужого в себе» (см., например, 1, с. 229). В этом направлении уточняется исследовательская оптика автора, в которой объекты всё чаще «заявляют» о своей субъектности.

Однако вернемся к алеутцам. «Алеутский цикл» Г. Джонс презентует историю человечества в обозримом будущем, когда Земля колонизирована алеутцами. Они — пришельцы, инопланетная гуманоидная раса, которая обладает технологиями, превосходящими человеческие. Они неопределённого пола, но больше феминные, нежели маскулинные, что также смущает людей, вступающих с ними в контакт. Технологическое превосходство и альтернативная сексуальность уязвляют человека, унижают его в собственных глазах. Само существование алеутцев ставит под вопрос антропоцентристскую логику, утверждающую арете богатого белого мужчины. В итоге человек уступает место венца творения кому-то или чему-то, кого/что не может до конца осмыслить; одновременно с этим он утрачивает статус «меры всех вещей», ту уникальную оптику посредством которой измеряет окружающий себя мир. Таким образом, алеутцы не только смещают человека с планетной вершины, но и рунируют его мировоззренческую оптику. Хорошо, что птицы превосходство человека под вопрос не ставят.

Философия птиц (! или?)

Птицы, как и инопланетяне, также обосновываются в социальных и гуманитарных исследовательских дискурсах. Об этом свидетельствует тематика исследований отечественных и зарубежных авторов.

Отчего-то в русскоязычном гуманитарном дискурсе птицы преимущественно представлены в трудах философов. Точнее, речь в этих работах идёт вовсе не о птицах, сколько о метафорах, символах и смыслах, за ними стоящих. Так, например, Вячеслав Петрович и Жанна Леонидовна

Океанские обращаются к «языку птиц» в его контрастности с «немотой» людей в рамках реконструирования символического миропонимания [6]. А Роман Викторович Светлов и Юлия Евгеньевна Фёдорова оперируют даже не символами птиц, но их именами в названиях известных работ древности: у первого это «Птицы» Аристофана [7], у второй — «Язык птиц» Фарид ад-Дина Аттара [8].

В сравнении работы зарубежных исследователей ярче отражают именно птичью тематику. К примеру, биологи из Swansea University (Великобритания), Sylvie P. Vandenabeele, Rory P. Wilson и Martin Wikelski в исследовании по экологическим фронтам предложили новые варианты отслеживания маршрутов птиц, упаковав их в интересно звучащую обертку «tracking philosophy for birds» (может быть переведено как «философия отслеживания птиц»); непосредственно философского там нет, но предложены новые техники работы в аналитике миграций птиц [16].

В свою очередь, исследование из Индонезии, реализованное под руководством Soelistyowati Soelistyowati (Institut Seni Indonesia (ISI) Denpasar), вновь возвращает птиц в символический контекст. На сей раз они предстают не в дискурсивных практиках, но как элементы росписи батика в мадурской (Madura) свадебной кебайи [15]. В числе прочего, авторы результируют, что птица фэнхуан из китайской мифологии часто встречается на традиционных свадебных нарядах невест, утверждая элегантность и феминность своей обладательницы.

Однако в центре моего внимания в актуальном исследовании находится работа под авторством Элиз Руссо (Elise Rousseau), журналиста с философским образованием из Франции, участника нескольких проектов о животных (вместе с эссе о птицах из-под её пера вышел широкоформатный обзор домашних и диких лошадей [13]), под редакцией Филиппа Дж. Дюбуа (Philippe J. Du Bois), с привлекательным названием «Удивительная философия птиц» [3]. В обозначенной работе речь идёт уже не о символах или метафорах птиц, но о тех действительных теплокровных, что пролетают над нашими головами. Э. Руссо уточняет название работы, «как ласточки относятся к смерти, горлицы сохраняют романтику в отношениях, а утки спасаются от стресса». В этой конкретизации улавливается попытка автора увидеть в птице нечто, что в некоторой степени равно человеческому.

В движении по тексту выясняется, что человек может многому научиться у пернатых меньших.

Птицы как люди или люди как птицы

В книге Дж. Дюбуа и Э. Руссо представлены двадцать два эссе, каждое из которых посвящено конкретной птице или проблеме, в некотором смысле — экзистенциалу. К примеру, этюд о смелости начинается со слов:

(орёл) символизирует силу и власть и в какой-то степени является 'львом' в мире птиц [3, с. 38];

продолжается:

хватая добычу, орел охотно демонстрирует свою силу и оружие (клюв и грозные когти), но, когда дело доходит до защиты своей территории, его храбрость куда-то улетучивается [3, с. 39];

если бы 'сильным мира сего' потребовался истинный символ отваги, то в качестве по-настоящему воинственной птицы им следовало бы выбрать малиновку [3, с. 39];

и завершается:

крохотная малиновка — это отважный боец, она способна биться с представителями своего вида, задирать кота, изгонять непрошеного гостя со своей территории... так ли хорошо подумали люди, перед тем как выбрать в качестве символа ту или иную птицу? [3, с. 43].

Несмотря на то, что сама Э. Руссо призывает нас не измерять птиц человеческими мерками, любых других мерок как у носителей человеческой природы у нас нет. Но проблема не в том, что мы дефинируем птицу как «воина» или «хранителя семейного очага», но в том, что мы её просто не замечаем. В числе прочего, от этого подвергаются значительной трансформации ареалы обитания птиц и сами практики их поведения.

В свою очередь, Э. Руссо именует птиц «скромными наставниками» и утверждает, что человек может многому у них научиться. К примеру, линьку у птиц она сопоставляет с кризисными периодами или пограничными ситуациями в жизни человека. Сфокусировав своё внимание на утке, она демонстрирует, что в период линьки птица лишается своего ключевого преимущества — способности летать. Будучи в этом уязвленном состоянии, птица переустраивает свои поведенческие привычки, прячется в уединенных местах, избегает контакта со всеми, включая сородичей. Принципиальным в этой иллюстрации выступает то, что линька не тождественна смерти; она обозначена как тяжёлый этап в жизни каждой птицы, который переживается/преодолевается. Также могут преодолеваться кризисы в жизни человека.

Следующим предметом её интереса выступает устройство семейного быта. Опираясь на результаты наблюдений за птицами различных видов, их семейными практиками, Э. Руссо констатирует то, что нет единого правила устройства партнерского союза в среде птиц. Среди уток, например, исключительно самки заботятся о потомстве, в то время как попозны заботятся о самих себе. В свою очередь, обитатели регионов с более суровым климатом, например, хрустаны (вид прибрежных птиц севера) демонстрируют обратную поведенческую динамику: потомство опекают только самцы. Примечательна иллюстрация из районов Крайнего Севера, местные кулики создают две кладки, для самца и самки, высиживают яйца и научают птенцов практикам выживания раздельно. И, наоборот, аисты и лебеди устанавливают крепкие партнерские отношения, не привязанные к сезонам, и потомство возвращают сообща.

Наконец, экзистенциальный вопрос, касающийся каждого, вопрос о смерти, Э. Руссо проводит в наблюдениях за стареющими и больными птицами. Она начинает этюд о смерти с отсылки к проминентной сентенции из М. Монтеня, согласно которой истинно познавшим философию является лишь тот, кто преодолел в себе страх перед смертью. В контексте биологии все живое, включая человека, живёт, чтобы умирать; в экзистенциальной философии человек реализует бытие-к-смерти (М. Хайдеггер), неся в себе глубокий страх перед неизведанным; а из наблюдений Э. Руссо птицы живут, чтобы жить, но когда приходит время умирать, ласточки просто прячутся. Любой случайный прохожий, тем более — орнитолог, редко имеет возможность наблюдать за больной или постаревшей птицей. Птицы не предпринимают попытки обмануть смерть, они тихо умирают, давая жизни выйти на новый виток в своём развитии.

Выводы

В своих прежних исследованиях мною была сформулирована идея о том, что человек способен выстроить такую оптику своего смотрения на мир, в которой любой иной объект находился бы на его уровне. Это попытка преодоления укоренившейся в нас европоцентристской традиции — смотреть на мир, возвышаясь над ним. В прежних исследованиях мой интерес составляли, прежде всего, новые цифровые актанты, входящие в наши повседневные практики и переустраивающие их. Предметом актуального исследования

выступает живой мир и птица как его органическая часть. Проблемность антропоцентристской логики фундируется тем, что человек оказывается глубоко одиноким в поле своего интереса, т. е. его не интересуется никто, кроме себя самого, но и сам он никого не интересуется. Вероятно, сам по себе человек не вызывает большой интерес у

птицы. Тем не менее, орнитологические практики затрагивают человека далеко не в той мере, в какой антропные птиц. Потому *hic et nunc* актуализируется требование к бытию человеком, свободным и ответственным в своих практиках, грамотным (в числе прочего, владеющим навыками цифровой грамотности) в своих действиях.

Список литературы

1. Ветушинский А. Прочь от Земли: наука о неопознанных объектах // Логос. 2019. Т. 5. № 2. С. 229–254.
2. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.
3. Дюбуа Ф. Дж., Руссо Э. Удивительная философия птиц. Как ласточки относятся к смерти, горлицы сохраняют романтику в отношениях, а утки спасаются от стресса. М.: Эксмо, 2019.
4. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
5. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М.: АСТ, 2022.
6. Океанский В. П., Океанская Ж. Л. Язык птиц и немота людей: философия имени как финал классического сознания // Научный поиск. 2019. № 3. С. 29–32.
7. Светлов Р. В. Легко ли (было) быть «сократиком»? Пристрастный взгляд комедии на Херефонта из Сфетта // Платоновские исследования. 2017. Т. 7. № 2 (7). С. 84–96.
8. Федорова Ю. Е. Проблема истины в философской поэме Фарид ад-Дина Аттара «Язык птиц» (XII в.): специальность 09.00.03 «История философии»: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 2012. 140 с.
9. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003.
10. Bennett J. *Vibrant Matter: A Political Ecology of Things*. Durham: Duke University Press. 2010.
11. Harman G. *Tool-Being: Heidegger and the Metaphysics of Objects*. Chicago and LaSalle: Open Court. 2002.
12. Jones G. *The Universe of Things*, Seattle: Aqueduct Press. 2011.
13. Rousseau E. *Horses of the World*, Princeton: Princeton University Press. 2017.
14. Shaviro S. *The Universe of Things*, Univ Of Minnesota Press. 2014.
15. Soelistyowati S., Mudra IW., Muka IK., Ratna TI. Symbolic Meaning of Batik In Madura Bridal Kebaya Clothes // *Journal of Social Science*. 2023;4(1):89-99. <https://doi.org/10.46799/jss.v4i1.495>.
16. Vandenabeele S.P., Wilson R.P., Wikelski M. New tracking philosophy for birds. *Frontiers in Ecology and the Environment*. 2013. <https://doi.org/10.1890/13.WB.002>
17. Wallace AR. *The Philosophy of Birds' Nests*. In: *Contributions to the Theory of Natural Selection: A Series of Essays*. Cambridge Library Collection – Darwin, Evolution and Genetics. Cambridge University Press, 2009. 211-230.
18. Whitehead AN. *Science and the Modern World*. New York: The Free Press. 1967.

References

1. Vetushinsky A. *Logos*. Vol. 5. No. 2; 2019, pp. 229–254. (in Russ.).
2. Deleuze G., Guattari F. *Tysjacha plato: Kapitalizm i shizofrenija* [A thousand plateaus: Capitalism and schizophrenia]. Ekaterinburg: U-Factoria; Moscow: Astrel; 2010. (in Russ.).
3. Du Bois FJ, Rousseau E. *Udivitel'naja filosofija ptic. Kak lastochki odnosjatsja k smerti, gorlicy sohranjajut romantiku v otnoshenijah, a utki spasajutsja ot stressa* [Amazing philosophy of birds. How swallows relate to death, doves maintain romance in relationships, and ducks escape stress]. Moscow: Eksmo; 2019. (in Russ.).
4. Latour B. *Peresborka social'nogo: vvedenie v aktorno-setevuju teoriju* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory]. Moscow: Publishing house. House of the Higher School of Economics; 2014. (in Russ.).
5. Nietzsche F. *Tak govoril Zaratustra* [Thus Spoke Zarathustra]. Moscow: AST; 2022. (in Russ.).

6. Okeansky VP., Okeanskaya ZhL. *Nauchnyj poisk*. 2019;(3):29-32. (in Russ.).
7. Svetlov RV. *Platonovskie issledovanija*. 2017;(7),(2(7):84-96. (in Russ.).
8. Fedorova Yu.E. Problema istiny v filosofskoj pojeme Farid ad-Dina Attara “Jazyk ptic” (III v.) [The problem of truth in Farid ad-Din Attar’s philosophical poem “The Language of Birds” (XII century): dissertation for the degree of candidate of philosophical sciences]. Moscow; 2012, 140 p. (in Russ.).
9. Heidegger M. *Bytie i vremja* [Being and time]. Kharkov: Folio; 2003. (in Russ.).
10. Bennett J. *Vibrant Matter: A Political Ecology of Things*. Durham: Duke University Press; 2010.
11. Harman G. *Tool-Being: Heidegger and the Metaphysics of Objects*. Chicago and LaSalle: Open Court; 2002.
12. Jones G. *The Universe of Things*, Seattle: Aqueduct Press; 2011.
13. Rousseau E. *Horses of the World*, Princeton: Princeton University Press; 2017.
14. Shaviro S. *The Universe of Things*, Univ Of Minnesota Press; 2014.
15. Soelistyowati S, Mudra IW, Muka IK, Ratna TI. Symbolic Meaning of Batik In Madura Bridal Kebaya Clothes. *Journal of Social Science*. 2023;(4(1):89-99. Available from: <https://doi.org/10.46799/jss.v4i1.495>
16. Vandenabeele SP, Wilson RP, Wikelski M. New tracking philosophy for birds. *Frontiers in Ecology and the Environment*; 2013. Available from: <https://doi.org/10.1890/13.WB.002>
17. Wallace AR. The Philosophy of Birds’ Nests. In: *Contributions to the Theory of Natural Selection: A Series of Essays*. Cambridge Library Collection – Darwin, Evolution and Genetics. Cambridge University Press; 2009, pp. 211–230.
18. Whitehead AN. *Science and the Modern World*. New York: The Free Press; 1967.

Информация об авторе

Р. В. Пеннер — доктор философских наук, доцент, доцент кафедры философии Южно-Уральского государственного университета (национальный исследовательский университет).

Information about the author

R. V. Penner — Doctor of Philosophy Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Philosophy of the South Ural State University (National Research University).

Статья поступила в редакцию 27.05.2024; одобрена после рецензирования 15.08.2024; принята к публикации 20.08.2024

The article was submitted 27.05.2024; approved after reviewing 15.08.2024; accepted for publication 20.08.2024.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.